

— Цихэ, ты любишь Шангуаня, это правда, не отрицай, — она сама не знала, в кого уродилась такой упрямой, но, понаблюдав несколько дней, пришла к выводу, что они идеально подходят друг другу. Хань Цихэ стал ей как родной, и она была уверена, что не причинит ему зла, вмешавшись в его личную жизнь. Ей доводилось общаться с таким количеством женщин, что она изучила все их типы, и вывод был один: сплошные неприятности.

— С чего ты взяла, что я люблю Шангуаня?

— Просто вспомни, как заботливо ты к нему относишься. Вспомни, что у тебя на душе, когда он не в духе. Вспомни, как ты покупаешь ему всё подряд, не жалея денег на роскошные и дорогие вещи. Взять хотя бы ту рубашку: больше тридцати тысяч, а ты даже не раздумывал. Это, по-твоему, что?

— И что же?

— Ты влюблен в него!

— Помидор, хватит нести чепуху.

— Не называй меня Помидором! Помидор давно сгнил и превратился в труху, зови меня Цзыфан!

— Раз уж ты сама признала, что превратилась в труху, то я прямо скажу: я не могу любить мужчину. Возможно, единственный человек, которого я полюблю за всю жизнь, — это ты, так что перестань навязывать мне свои фантазии.

— Хватит, у меня из-за этого возникает чувство вины. У нас действительно только чистая дружба.

— Если мы не можем договориться, не заводи больше этот разговор. Мой ответ один! — Хань Цихэ хлопнул дверью и ушел.

Он никогда прежде не разговаривал так с Ань Цзыфан. Раньше он во всем ей уступал, боясь расстроить, но, видимо, она приняла его заботу за слабость и начала наглеть.

— Хань Цихэ... — она никогда не подбирала слов в разговоре с ним, зная, что он не разозлится. Конечно, этот случай — исключение. На лице Ань Цзыфан промелькнула торжествующая улыбка.

— Шангуань, ты куда? — едва спустившись вниз, он увидел, как Шангуань И садится в такси. С тех пор как он приехал сюда, он, кажется, никуда не отлучался. Так куда же он собрался?

Шангуань И опустил стекло, но не проронил ни слова. Отвернувшись, он снова поднял стекло. Что тут скажешь? Все было предельно ясно, и он не хотел больше путаться в своих чувствах и создавать им лишние проблемы.

Хань Цихэ быстро сел в свою машину и поехал следом.

— Водитель, можно побыстрее? — голос Шангуаня предательски дрожал. Ему не хотелось больше говорить, он уткнулся лицом в колени.

— Сначала скажи, куда мы едем!

— В бар Офит.

— Понял. — Водитель вдавил педаль газа в пол. Ему часто приходилось уходить от погони, и он мастерски вклинился между другими машинами, постоянно меняя полосу, чтобы запутать преследователя.

Хань Цихэ притормозил. Что он делает? Зачем он вообще за ним погнался?

Бар Офит был известным местным гей-клубом. Ань Цзыфан не раз упоминала его в разговорах, пытаясь подтолкнуть его разобраться в своей ориентации: мол, если мужчина начнет приставать, проверь, будет ли реакция. Но сейчас у него не было таких мыслей. Он знал, что Хань Цихэ не любит его, а что творилось у него самого в голове — он и сам не понимал.

Слезы хлынули потоком. Он пытался понять, как дошел до такого. Раньше он был безрассудным, не думал о последствиях, и все вокруг твердили, что у него скверный характер. Сколько лет он не плакал? Да он не помнил, чтобы вообще когда-либо проливал слезы! Что это за ерунда? Шангуань И смотрел на мокрые ладони и бесконечно качал головой.

Что это вообще значит? Это даже не разрыв отношений, так почему я плачу? Я же любил Цзи Фэня, как все изменилось? Почему так? Я...

Слезы лились градом. Ему хотелось дать себе пощечину, чтобы прийти в себя. В конце концов, в баре Офит он точно поймет, кто он такой.

— Цзыфан, Шангуань ушел. Ты знаешь, куда он направился?

— Ты все еще отрицаешь, что любишь его? Посмотри, как ты нервничаешь! — Ань Цзыфан повернула его лицо к зеркалу.

— Куда он поехал? — Хань Цихэ терял терпение.

— Я ему не мать, откуда мне знать?

— Хватит, это наверняка ты его подговорила!

— Ты больной? Думаешь, Шангуань стал бы меня слушать в таких делах? Я же говорила тебе, что он тоже тебя любит. Наверное, он услышал наш разговор и решил отступить.

— Правда не ты?

— Не я. Мы знакомы десятки лет, с чего бы мне шутить такими вещами? — Хань Цихэ допрашивал ее с таким жаром, что она ощутила странное возбуждение: она окончательно убедилась, что он действительно любит Шангуаня.

— Тогда куда он мог поехать? — Хань Цихэ был на грани.

— Он не ребенок, захочет — вернется. К тому же, взрослый мужик, его же не изнасилуют. — Ань Цзыфан привычно приподняла правую бровь, пытаясь на что-то намекнуть, но намек не был понят.

— У него при себе всего пять тысяч, идти ему некуда. Он сбежал из дома, все считают его психом, его же обидают! А вдруг его заберут в психиатрическую лечебницу?

Уголок рта Ань Цзыфан дернулся. Могла ли она сказать ему, чтобы он не накручивал себя? Шангуань И не слабоумный, найдет чем заняться. Но она решила, что это отличный шанс, и начала сгущать краски.

— Я называла ему несколько баров, гей-баров... Может, он поехал туда?

— Ты совсем с ума сошла? Зачем ты называла ему эти места?

— Это ты с ума сошел! Чего ты на меня орешь? — она хотела, чтобы он понял: теперь она занимает в его сердце куда меньше места, чем Шангуань. Но радоваться этому или грустить?

— Ты помнишь, какие именно? Какие из них ближе всего? — Хань Цихэ попытался успокоиться. Почему он так ведет себя с Ань Цзыфан?

— Вряд ли он поехал в те, что рядом, — снова подняла бровь Ань Цзыфан, и этот жест заставил мужчину рядом с ней нервно дернуться.

— Тогда куда? Скажи мне скорее! — Хань Цихэ готов был вышвырнуть ее из машины.

— Тогда называй те, что подальше... — он чувствовал себя таким уставшим и умоляюще просил ее назвать хоть какие-то адреса.

— А вдруг он не хочет ехать далеко?

— Да твою ж мать, чего ты хочешь?

Ань Цзыфан тихо кашлянула и притворилась испуганной:

— Я же хочу помочь...

— Тогда просто перечисли все бары!

— От твоего крика я все забыла! — она выглядела такой обиженной, что он не знал, что делать. И как он мог столько лет любить эту стерву?

— Забудь. Буду проверять каждый по очереди. — Хань Цихэ произнес это так, что чуть не сломал зубы.

Ань Цзыфан скривила губы и пожала плечами, мол, ну и иди, чего стоишь.

Проводив Хань Цихэ взглядом до самой двери, она вдруг неожиданно крикнула ему вслед:

— У тебя же есть спутниковая навигация!

Хань Цихэ выхватил телефон, но тут же с яростью швырнул его на диван:

— Он не взял телефон!

— Чего орешь? Не я же виновата! — Ань Цзыфан вертела в руках телефон Шангуаня, отключая функцию геолокации.

— Ты, ты, стерва, проклятый Помидор!

— Я не стерва, я фудзёси, — слабо возразила она.

Именно поэтому Хань Цихэ и прозвал ее Помидором. С начальной школы она была известной фудзёси, и он дал ей это прозвище: снаружи — обычная отзывчивая девица, а внутри — все прогнило от яойных фантазий. Ей самой это показалось точным, и она с радостью приняла кличку.

Как только Хань Цихэ вышел, Ань Цзыфан поймала такси и поехала следом. Никто не знал, что у нее на уме, но это были мысли истинной фудзёси.

<http://bllate.org/book/20778/2084719>